

Они сражались за Родину!

★ Юрий КОРЧЕВСКИЙ ★

ФРОНТОВИК

БЕЗ ПОЩАДЫ!

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Фронтовик. Без пощады! / Юрий Корчевский. —
Москва : Яуза : Издательство «Э», 2015. —
320 с. — (Библиотека военных приключений).

ISBN 978-5-699-84480-7

Вернувшись с фронта домой и поступив на службу в милицию, бывший войсковой разведчик осознает, что он снова на передовой, только война идет уже не с гитлеровскими захватчиками, а против уголовного отребья.

Пока фронтовики проливали кровь за Родину, в тылу расплодилось бандитская нечисть вроде пресловутой «Черной кошки», на руках масса трофейного оружия, повсюду гремят выстрелы и бесчинствуют шайки. А значит — никакой пощады преступникам! Никаких интеллигентских соплей и слюнявого гуманизма! Какая, к черту, «эра милосердия»! Какие «права человека»! Вор должен сидеть в тюрьме, а убийца — лежать в могиле! У грабителя только одно право — получить пулю в лоб!

И опер-фронтовик из «убойного отдела» начинает отстреливать урок как бешеных собак. Он очистит родной город от бандитской сволочи! Он обеспечит уголовникам «место встречи» на кладбище. Он разоблачит «оборотней в погонах» и, если надо, сам приведет смертный приговор в исполнение.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84480-7

© Корчевский Ю. Г., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

ГЛАВА 1

ПОСТОВОЙ

Андрей с трудом нашел работу на кирпичном заводе. Работа садчика тяжелая, надо закатывать тяжелые вагонетки с кирпичом-сырцом в раскаленные печи обжига. Он обливался потом, мышцы после работы ныли, в цеху сквозняки. Но и этой работе он был рад. После войны мужчин вернулось в родные края много, целая армия. Кто-то на радостях, что война окончилась, пить начал, отмечая возвращение, другие устроились в артели и на заводики. Была небольшая часть, подавшаяся в криминал: торговали краденными вещами, грабили по ночам. При любых катастрофах в стране грязная пена всегда наверх всплывает. Да и то взять: в армию нормальных мужиков призвали, вернулись с войны далеко не все, а кто вернулся — те с ранениями, контузиями или вообще инвалиды, без рук без ног. А уголовное отребье в лагерях отсиделось, многие вышли по амнистии в честь Победы.

Брали в армию и из лагерей, только желающих воевать из уголовников было немного. Осужденные

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

по политическим статьям — той же 58-й, на фронт рвались, но их не пускали. Как же! Враги народа: вдруг к немцам перебегут или того хуже — оружие против своих повернут. А уголовники — свои, из пролетариев, только оступившиеся. Вот и получалось, что лучшие на фронте воевали или сидели в лагерях, а уголовники всех мастей, воры, убийцы, грабители и насильники отсиживались в глубоком тылу, на казенных харчах. Да еще и в лагерях над политическими измывались.

Таких подробностей Андрей не знал. В армию его забрали в 42-м, самом тяжелом для страны году. Служил в пехоте, потом попал в полковую разведку. Как выжил в этой кровавой мясорубке, и сам до сих пор удивлялся. Ранен был неоднократно, но каждый раз легко, и потому искренне считал, что ему повезло. Потом, когда уже отгремели победные залпы салюта и их полк перевелся на Дальний Восток, он успел повоевать с японцами. Армия у них была многочисленная, в упорстве солдаты не уступали немцам, многие были просто фанатиками.

Только в 45-м году у наших был уже большой боевой опыт, да и в количестве и качестве боевой техники мы японцев превосходили. А их танки — те же «Ха-го» — так и застряли на довоенном уровне. У солдат винтовки, автоматов не было — как и ротных минометов.

В общем, разгромили японцев.

Демобилизовали его только в 1946 году. Страна ждала рабочие руки — ведь в тылу работали женщины, подростки да старики.

Мужики вернулись в форме, большая часть из них — при орденах и медалях. Но кроме как воевать, они больше ничего не умели, и гражданских специальностей у многих не было. Да и откуда им взяться, если на фронт после школы попали? И сотни тысяч заслуженных опытных танкистов, летчиков и ар-

ФРОНТОВИК. Без пощады!

тиллеристов враз оказались не у дел — переход оказался слишком резким и неожиданным.

Кому образование позволяло, уселись за парты в институтах и техникумах. И вроде зазорно было сидеть рядом с зеленой молодежью, но понимали — надо! Другие, кто школьные науки за годы войны забыл или учиться не желал, стали работу искать.

И тут выяснилось, что соискателей много. Потому даже тяжелой неквалифицированной работе Андрей был рад. Зарплата, продовольственные карточки — еще бы с жильем решить. Пока он жил у тетки на птичьих правах. У нее самой комнатуха восемь метров в коммуналке, повернуться негде, но пока она его не гнала — и на том спасибо.

Родители Андрея в войну под бомбежку попали и погибли — тетка ему об этом на фронт отписала. Он, конечно, погоревал — да что ж сделаешь? Не у него одного беда, у многих. С немцами только злее воевать стал. Последние два года в разведке служил, а там порядок жесткий: доставь «языка» живым, чтобы допросить можно было. Если была возможность захватить нескольких, скажем — в тыловом блиндаже, в живых он оставлял только одного. Мстил таким образом за родителей, своих и чужих — пусть в их проклятую Германию тоже похоронки придут. Россия — не Франция или Австрия, где немцев встречали с цветами.

Андрей был комсомольцем и на собрания ходил, как и все. Вот только в партию вступить не успел. Сталина до войны почти боготворил, как и многие его сверстники. А как на фронте побывал да повидал с армией Польшу, Германию и Чехию, узнал, как мир живет, — переменялось что-то в его сознании.

На фронте солдаты языки при себе держали: скажешь лишнее — попадешь к особисту. А потом и в штрафбат угодить можно.

Встречался Андрей со штрафниками. Нормальные парни и воевали неплохо. И хотя уже два года прошло

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

после Победы, он до сих пор просыпался по ночам в холодном поту — снились фронтовые ужасы.

Однако теперь жизнь мирная, хотя и очень тяжелая. С продуктами плоховато, одежда по талонам. На работу он ходил в армейском обмундировании, только без погон. Но не он один так — многие. Однако вероломного врага страна одолела, и теперь жизнь с каждым днем, с каждым годом лучше должна становиться. Оптимистом он еще был, поскольку на гражданке толком и не жил еще. Вся взрослая жизнь — в окопах.

Отработав месяц, Андрей пошел становиться на комсомольский учет в райком.

Усатый секретарь, парень его возраста, повертел в руках комсомольский билет:

— Фронтовик?

— Так точно, недавно вернулся. Германца бил, потом японца.

— Сержант, как я смотрю. И ранения есть? — Это секретарь углядел на гимнастерке нашивки за ранения.

— Точно.

— Хм! И — садчиком на кирпичном заводе?

— Жить на что-то надо, не всем же в райкоме сидеть, — обиделся Андрей.

— Мы тут, между прочим, не сидим, а работаем, где партия поставила. Награды есть?

— «Красная Звезда» и «За боевые заслуги».

— Так, хорошо... Посиди пока.

Секретарь вышел, а Андрей корил себя — почему не сдержался?

Через четверть часа секретарь заглянул в дверь:

— Идем со мной.

Андрей молча поднялся и пошел за секретарем.

Оба вошли в кабинет, находящийся этажом выше. Андрей успел прочитать на двери табличку: «Райком партии. Секретарь». Зачем его сюда?

ФРОНТОВИК. Без пощады!

Из-за стола навстречу им поднялся средних лет мужчина в полувоенном френче, какие носили чиновники всех мастей, беря с вождя пример.

— Здравствуй, Фролов!

— Здравия желаю.

— Садись.

Андрей и секретарь комитета комсомола сели.

— Коротенько расскажи о себе.

Андрей рассказал о службе в армии, о разведке, о гибели родителей.

— Сирота, стало быть, — почему-то удовлетворенно подытожил секретарь. — Есть мнение направить тебя по партийно-комсомольскому набору в ряды рабоче-крестьянской милиции.

Андрей оторопел: ему показалось, что он ослышался. Только работу нашел — и вот, нате вам! Мнение у секретаря есть, только вот его, Андрея, мнения никто не спросил.

Однако лицо Андрея осталось бесстрастным. Он привык в армии приказы не обсуждать, даже самые нелепые. А в милиции снова служба, снова погоны... Да и что он умел, кроме этого?

— Чего молчишь? — Секретарь закурил папиросу, дохнул дымом.

— Так у меня же образования нет. И умения, соответственно, тоже.

— Там научат. После войны шпаны много появилось. Сам видишь — в милиции почти одни женщины. Их понемногу увольнять будут и заменять боевыми ребятами вроде тебя.

Уж больно неожиданным было предложение.

Пока Андрей раздумывал, секретарь размашисто расписался и протянул ему бумагу.

— Поздравляю. Это направление.

— А с работой как же? — растерялся Андрей.

— Пойдешь и уволишься. Тебе ответственное дело партия поручает. Можно сказать — доверяет.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

— Спасибо за доверие!

— Вот так-то оно лучше.

Андрей повернулся и вышел.

Вот попал! Видел он милиционеров на улицах — «орудовцев» в белых гимнастёрках, с жезлами. И других милиционеров — в темно-синей униформе с наганами в желтых кобурах. Такие револьверы в конце войны только «нестроевики» носили — инженерный состав и медики. О! Ошибочка! Вспомнил Андрей, что еще у танкистов револьверы долго держались, потому как ствол «ТТ» в амбразуру для стрельбы в броне не проходил.

Всем неплох револьвер, да перезаряжать его хлопотно и долго. И потому для ближнего боя разведчики наши трофейные немецкие пистолеты имели, вроде «вальтера» или «парабеллума». Андрей даже с фронта «вальтер» привез. У немецкого генерала, что в плен уже на территории Германии взяли, изъял. И патроны привез — несколько пачек. На пистолете табличка именная. Конечно, его сдать положено было, только на фронте так делали не все. Сдашь какой-нибудь особый пистолет с накладками из рога на рукояти или гравировкой украшенный, глядь — а с ним уже «смершевец» ходит.

И многие фронтовики в «сидорах» подобные трофеи с фронта привезли. Иногда солдаты из семейных куски ткани везли или другое что — по мелочи. Офицеры же забирали трофейные мотоциклы, велосипеды... И все поголовно — наручные часы. До войны велосипед, часы — редкость.

Андрей постоял у райкома, раздумывая — ему сегодня в ночную смену идти надо было, и направился на завод. Там он написал заявление, получил расчет и трудовую книжку. Какое-то время он вертел ее в руках — никогда раньше не видел, вздохнул. Тяжелая работа садчиком, но заработок хороший. А в милиции... Приживется ли?

ФРОНТОВИК. Без пощады!

Здание райотдела милиции было в трех кварталах от дома тетки.

Андрей вошел, подошел к дежурному и протянул ему направление. Тот оторвался от писанины:

— Ага, пополнение прибыло!

Дежурный с любопытством осмотрел вылинявшую гимнастерку Андрея, задержавшись взглядом на нашивках о ранениях:

— Фронтоник?

— Так точно.

— Нам боевые ребята нужны. Иди в кадры — первая дверь налево.

Андрей постучал, вошел.

Обстановка в кабинете была спартанской: несколько шкафов с бумагами, стол и два стула. А еще перегородка в двух шагах от двери, чтобы посетители дальше не прошли.

За столом сидел, судя по обильной седине и морщинам, уже очень немолодой мужчина. Не в пример дежурному, он изучил направление Андрея тщательно, едва ли не под лупой.

«Бдительность проявляет», — усмехнулся про себя Андрей.

— Воевал?

— Полковая разведка, — сразу уточнил Андрей.

— Звание?

— Сержант, — в подтверждение сказанному Андрей протянул красноармейскую книжку. Кадровик изучил и ее:

— Так, ранения были...

Полистал:

— ...и награды. Боевой хлопец. Пиши заявление, заполни анкету и давай фото.

— Фотографии у меня нет.

— Ай-яй-яй! Непорядок, непорядок! Через дом от нас фотоателье. Иди, пусть сфотографируют — два на три.

Андрей пошел фотографироваться.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Скучавший фотограф щелкнул затвором трофейной «Лейки»:

— За фотографиями придешь к четырем часам.

Пока Андрей заполнял бумаги, получал обмундирование и сапоги на складе, подошло время. Он получил фото и направился к кадровику — там ему выписали удостоверение с фотографией и печатью.

— Ну вот, теперь все честь по чести. Придешь завтра к восьми утра в шестой кабинет, к капитану Васильеву — он ведает постовыми.

Первый рабочий день Андрея прошел скучно — капитан вручил ему Уголовный кодекс:

— Читай и запоминай. Ты теперь представитель органов!

И Андрей весь день до рези в глазах изучал статьи. Но разве их сразу запомнишь?

На второй день капитан взял его с собой на обход территории, предварительно показав висящую на стене карту:

— Зона нашей ответственности: с востока на запад — от улицы Семилетки до улицы Чкалова, а с юга на север — от ветки железной дороги до улицы Трудовой. Участок большой, сложный: и притоны есть, и «малины» воровские.

— Что за «малины»?

— Вроде мест отдыха для уголовной братвы. Они там водку или самогон пьют, с девками общаются.

— Взять их да прихлопнуть!

— А за что? Они заявят — отдыхаем. Разве есть статья, чтобы за отдых — в «кутузку»?

— Так ведь они воры и грабители!

— А ты попробуй докажи! У него справка на руках есть, что он работает сапожником или заготовителем в артели «Свободный труд». Он не тунеядец, и по закону привлечь его к ответственности не за что. Улики надо иметь, доказательства веские, а еще лучше — на месте преступления взять, с потерпевшими и свидетелями.

ФРОНТОВИК. Без пощады!

— О! Так их никогда не переловить!

— Ловим и сажаем! А социалистическую законность соблюдать надо. За нами закон, и мы его чтить должны.

Капитан и Андрей вышли из здания райотдела.

— Жалко, сотрудников у нас мало. Ну ничего! Война закончилась, мужики возвращаться стали. Пополнение пошло, боевые ребята — вроде тебя. Искореним преступность и заживем!

— Так из лагерей отсидевшие выйдут!

— Перекуются. Ты смотри: как война закончилась — народу послабление пошло. К каждому Новому году Указ — цены снижают. Пусть и ненамного, а душе приятно. Заботится о народе товарищ Сталин.

В ответ на это Андрей только вздохнул. Люди в общей массе одеты плохо, одежда все больше изношена, черных и серых цветов; лица у людей усталые. Если кто и смеется — так это дети и молодежь. А он видел, как бюргеры живут — где дома снарядами и бомбами не разрушены, как на картинке. И только у нас коммунальные квартиры с клопами и тараканами.

Капитан подошел к бабкам, торгующим семечками:

— Разойдись! Не положена стихийная торговля!

Бабульки молча собрали семечки в мешочки и отошли за угол.

— Товарищ капитан! Мы уйдем — они же вернуться!

— Обязательно! Им ведь тоже на что-то жить надо, внуков поднимать — после войны родители есть не у всех. Нешто я не понимаю? Не зверь какой!

— Тогда зачем гонять?

— Порядок должен быть, уважение к власти.

В сопровождении Андрея капитан обошел несколько точек, где несли службы постовые. У одного постового он оставил Андрея:

— Сержант Колоколов служит давно, службу знает. Участок сложный, но есть чему поучиться. Побудешь у него стажером.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

— Есть, — молодежато козырнул Андрей.

Капитан ушел.

— Ну, давай знакомиться, стажер. Старшина Колоков, Василий Тимофеевич.

— Сержант Фролов Андрей, можно без отчества.

— Андрей, ты не вертись, днем тут спокойно. А вот как стемнеет, всякая шушера из щелей полезет — через кусты от нас железная дорога. Вот братва на «железку» ходит, вагоны вскрывает. Но «железка» — не наша вотчина, там транспортная милиция есть, военизированная охрана. Их задача — кражи не допустить. А уж если вора́м повезло да стянули что-нибудь, они сюда побегут. Тут уж не зевай, хватай. К тому же через железную дорогу люди ходят — на той стороне заводы да фабрики. Смена в одиннадцать ночи заканчивается, грабителям самое раздолье — особенно когда зарплата. Я уж и числа выучил. На «Большевике» шестнадцатого, а на «Коммунаре» десятого. И артели есть, но у них зарплату нестабильно дают, когда как. Сегодня у нас какое число?

— Вроде двенадцатое.

— Не «вроде», точно знать надо. Через четыре дня на «Большевике» зарплата будет. Работяги в пивные пойдут да в рюмочные — отметить. Представь: поздний вечер, работяга подвыпивший, железная дорога, кусты. Треснут по башке и оберут как липку. Очухается утром — башка болит, карманы пустые. Сам ли потерял с перепою или обобрал кто — не помнит.

Они сходили в столовую, пообедали.

— Слышал я — указ вышел на днях, усиливающий наказание за воровство и грабежи? — спросил старшина после обеда.

— Не читал еще. Мне капитан Васильев только Уголовный кодекс давал.

— В газетах было, но коротко. Стало быть, доведут еще до сведения.

ФРОНТОВИК. Без пощады!

Как позже узнал Андрей, речь шла об Указе от 4 июня 1947 года.

Москва входила в число городов особого списка органов милиции, наряду со столицами союзных республик — Минском, Киевом, Ригой, и портовыми городами — Одессой, Архангельском, Мурманском, Владивостоком. В этих городах наряду с территориальной милицией была военизированная.

Старшина, а с ним и Андрей, не спеша пошли по участку.

— Погоди, постой здесь.

Колоколов отошел в переулочек и коротко переговорил с пареньком в кепке-восьмиклинке — такие были сейчас в моде. Вид паренька Андрею не понравился: глаза постоянно бегают, сам какой-то приклатненный, с железной фиксой на переднем зубе.

Старшина вернулся:

— Это Сенька-форточник.

— Почему «форточник»?

— Через открытые форточки в чужие дома и квартиры лазит, вещи крадет. Причем ухитряется обокрасть квартиры, где хозяева спят.

— Арестовать надо его!

— А улики где? А заявления потерпевших? Кроме того, если не попался на краже, трогать его не надо. Информатор он, стукачок. Мы периодически с ним встречаемся, и если он что-то узнает от серьезных воров, то говорит.

— Хм, толково!

— А ты думал! Воры, когда они на «малине» да среди своих, похвастаться любят: где и кого обворовали, что взяли — вроде фартовые они. А для органов такая информация — дорожка к расследованию. Легче копать, когда знаешь, кто вор, своего рода зацепка.

Начало темнеть. Андрей устал — он не привык весь день стоять на ногах. В разведке больше лежишь, наблюдаешь или ползаешь.